

18+

АЛЕКСАНДР САДЫКОВ

**ПРОЖИ (ГАЯ) ВАЯ
ЖИЗНИ**

1 2 3 4 5 6 7 8

Александр Садыков

Прожи (гая) вая жизни

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23864881

ISBN 9785448509148

Аннотация

Погружаясь в бурю шпионско-детективной борьбы, авантюрно-криминальных сюжетов, финансово-долговых проблем, главный герой, он же автор книги, выходит из трудных ситуаций победителем, приобретая яркие положительные эмоции, новых друзей и бесконечные возможности. Встречая на жизненном пути сложности и разочарования с юных лет, Александр следует заранее определенному плану, благодаря чему достигает успехов в каждой области. И делит их на отдельные жизни – главы.

Содержание

От автора	5
ФАТАЛИТИ	6
Жизнь первая	11
ДЕТЕКТИВ-КОНСУЛЬТАНТ	12
Жизнь вторая	24
ЧЕМПИОН МИРА	25
Часть первая	26
Часть вторая	34
Часть третья	39
Часть четвертая	44
Жизнь третья	50
РЕЙНДЖЕР	51
Часть первая	52
Часть вторая	66
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Прожи (гая) вая жизни

Александр Садыков

Этой истории далеко до рассказов Дэвида Копперфилда или Рокки Бальбоа. Хотя бы потому что непонятно – где осязаемая граница реальности и вымысла. Байопик или сказка, рожденная воспаленным мозгом? У такого человека, как я, все возможно. Хаос, сумбур, нагромождение фантазий – чувствуете, как меня распирает от гордости за этот гротеск? Тем более, я не совсем четко представляю значение слова «гротеск». В этом скопище уж наверняка любые совпадения не случайны

Все права защищены

2015 г.

Редактор Лилия Шукюрова

© Александр Садыков, 2017

ISBN 978-5-4485-0914-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Автор пережил много разных интересных, и приключенческих моментов, порой связанных с риском для жизни. Тем не менее, каждый раз находил пути выбраться из затруднительных положений, путем простых расчетов и рационального мышления. Погружаясь в бурю шпионско-детективной борьбы, авантюрно-криминальных сюжетов, финансово-долговых проблем, каждый раз выходил из трудных ситуаций победителем, приобретая положительные эмоции, новых друзей и бесконечные возможности.

Как такое может быть? Ответы вы найдете далее на страницах этой книги. Пройдя весь путь с автором от ранней юности до настоящих дней, Вы увидите, насколько непредсказуема жизнь с одной стороны, и насколько точно ее можно прогнозировать, следуя заранее определенным целям и планам. Этот роман можно так же расценивать, как курс по достижению и воплощению в реальность своих желаний и стремлений. Я приглашаю Вас в увлекательное путешествие по граням и тайнам бытия, которые существуют рядом с нами в каждом мгновении.

Приятного чтения!

ФАТАЛИТИ

«Все́му свое время под солнцем.

*Время разбрасывать и
время собирать камни».*

Соломон

– Вы верите в случайности? Бульон, элементарные частицы, Big Bang Theory, – и вот, вы сидите на семинаре по философии, делаете сосредоточенный вид и втихаря просматриваете фото девиц, – начал семинар преподаватель в военном училище.

Моя лично жизнь похожа на чехарду разных каверзных маленьких судеб, сменяющих одна другую, при этом каждая дополняла предыдущую. Нередко случалось, что эти жизни накладывались друг на друга... После этих слов сам бы я ни за что не стал дослушивать, а просто вызвал «Скорую».

Не думайте, я не шизофреник, вообще, я-то верил в судьбу. Точнее, в то, что закономерности и периодичность событий предначертана свыше. В последнее время меня преследовало чувство неотвратимого скорого завершения пути, все чаще накрывая волной, подобно сходу лавины. Словно доживал последние дни. Непонятные мысли копошились в голове и терзали мой мозг.

Я стоял на распутье. Предстоящий выбор решал многое.

Тогда мы начали дискутировать на тему предрешенности и фатализма – не очень умело, надо сказать. Но сейчас я бы привел иные доводы.

– Если суждено утонуть, напьешься воды из стакана – и захлебнешься, – говорила моя бабушка. При всей ее безапелляционности, в какие-то моменты с ней нельзя было не согласиться.

Одно научное издание приводило исследование группы ученых (британских, не иначе), которые доказали, что если человеку суждено по жизни переместиться из пункта А в пункт Б, то это обязательно случится. Некоторые хоть автостопом, хоть на самолете пьяным в новогоднюю ночь после бани, хоть ползком, но доберутся. Только путей может быть множество и время не определено. Но объект, рано или поздно, все равно попадет из пункта А в пункт Б. Когда-то я тоже так думал. Фатализм чистой воды, еще Лермонтов рассуждал об этом, классика.

Последние же события заставили в этом усомниться, теперь я был убежден в правоте командира бригады, где проходил срочную службу, который при каждом построении повторял одну и ту же фразу:

– Запомните, гвардейцы! В этой жизни каждый – сам себе кузнец! Хочешь счастья – иди накуй! Разница лишь в том, что кто-то этим занимается от души, соблюдая все правила кузнечного искусства. А кто-то – спустя рукава.

До сих пор, кажется, – словно было вчера. Жизнь – ин-

тересная и странная штука, порой события, произошедшие несколько месяцев или даже десятков лет назад, всплывают в памяти, как совсем вчерашние. Годы летят как недели, недели – как дни, дни – как минуты.

Эти строки отражали мое состояние в моменты тяжёлых морально-психологических состояний, связанных с очередной неудачей, потерянными возможностями или очередным разочарованием. Кто-то заметил, что пессимисты всегда находятся в более выигрышном положении по сравнению с оптимистами. Все потому что, когда события приобретают отрицательный окрас, пессимист может сказать, – «Ну я же говорил, что так и будет», а если ожидания оправдались, то будет приятный сюрприз. И в случае с негативным ожиданием развития событий пессимиста не ждет разочарование. С этой мыслью можно соглашаться или нет, но я придерживаюсь рационального мышления, что всегда позволяет быть готовым к любому развитию событий и иметь в запасе различные варианты поведения при любом сценарии. Формула выведенная еще в далекой юности, гласящая, что последствия всегда равны начальным действиям работала всегда. Поэтому прежде, чем сделать шаг одной ногой, я всегда старался думать, куда поставлю вторую.

Порой наши решения зависят от тех, кто нас окружает, что не всегда влияет положительно на наше будущее, ибо расхлебывать последствия всегда лишь нам самим. Это ярко демонстрирует «опыт толпы».

В 1961 году американский профессор Аш собрал в одной комнате семь человек. Им объявили о том, что они подвергнутся опыту по восприятию действительности. На самом деле испытуемый был один. Остальные шесть человек были помощниками профессора, чьей целью было введение в заблуждение истинного участника эксперимента.

На стене были нарисованы линии длиной в двадцать пять и тридцать сантиметров. Линии были параллельными, то, что линия в тридцать сантиметров длиннее другой, было очевидно. Профессор Аш задавал вопрос каждому из присутствующих, и шесть его ассистентов в едином порыве отвечали, что линия в двадцать пять сантиметров длиннее второй линии. В 60% случаев истинный испытуемый также говорил, что линия в двадцать пять сантиметров самая длинная. Если он находил, что линия в тридцать сантиметров длиннее, шесть помощников профессора начинали издеваться над ним, и под их дружным давлением в 30% случаев испытуемый в конце концов присоединялся к мнению большинства. Опыт проводился над студентами и преподавателями (люди не самые легковверные), и выяснилось, что девять человек из десяти удалось убедить в том, что линия в двадцать пять сантиметров длиннее линии в тридцать сантиметров.

Удивительная вещь! Даже после того, как испытуемым

объясняли смысл опыта и роль в нем шести ассистентов, 10% из них продолжали утверждать, что линия в двадцать пять сантиметров самая длинная.

Те же, кто признавал свою ошибку, находили себе массу извинений вроде проблемы со зрением или неудачно выбранного угла наблюдения.

– Добрый день. Представьтесь, кто вы по профессии, почему именно эта тема? – начал приглашенный мной журналист запись нашей беседы.

– Здравствуйте, – ответил я, – меня зовут Александр. Мне 32 года. В последнее время произошли события, которые изменили обычный ход моей жизни.

Это интервью состоится в преддверии пресс-конференции, посвященной презентации моей книги, которая называется «Прожи (гая) вая жизни». На данный момент – это моя девятая жизнь, в которой я – писатель. Начну с первой, в которой я был...

Впрочем, обо всем по порядку.

Жизнь первая

ДЕТЕКТИВ-КОНСУЛЬТАНТ

- Скажите, Холмс, как раскрыть преступление?
- Определить «кому это выгодно»!
- А если всем выгодно?
- Тогда это уже как бы и не преступление...

Казалось, книги сэра Артура Конан Дойла были везде: на кухне, в подъезде, в комнате, в туалете, у друзей, – они постоянно попадались мне в руки и мозолили глаза. И вот однажды любопытство взяло верх над ленью.

Уже через пару месяцев, как я начал зачитываться его рассказами, в близлежащих библиотеках не осталось ни одной не прочитанной мной книги или рассказа, написанным этим гениальным писателем о величайшем сыщике всех времен – Шерлоке Холмсе. При этом просто читать и наслаждаться умозаключениями главного героя для меня было недостаточно. Со временем я стал читать лишь завязку рассказов и далее самостоятельно строить логические цепочки умозаключений, которые привели бы к разгадке. По понятным причинам это не всегда удавалось. Тем не менее, после сэра Артура я переключился на современных писателей детективов, не подумайте про Донцову, и тут меня ждал гораздо больший успех.

Мало того, я рьяно начал изучать отличие пепла одних

сигарет от других, собирать коллекцию вырезок из криминальной хроники, научился вычислять рост человека по его следам, снимать отпечатки пальцев с предметов, различать марки автомобилей по протектору их шин, а также прекрасно мог опознать любую газету по ее шрифту.

Так началась жизнь детектива-консультанта. Появились реальные папки дел, которые расследовал взхлеб. Все свободное время было посвящено этой практике и уже ничего другого не интересовало. Картотека пополнялась новыми именами и литерами. Порой удавалось, придя в дом к друзьям, шокировать их восстановлением событий сего дня вплоть до перечисления гостей из числа наших общих дворовых друзей, чьи отпечатки обуви я знал наизусть.

Участвуя в расследовании кражи из кассы одной конторы, я много времени проводил в размышлениях над показаниями бухгалтера, водителя, охранника, кассира и руководства пострадавшей фирмы.

Осмотр места происшествия ничего не дал, не было ни следов взлома, ни отпечатков пальцев. Был установлен факт кражи ключей от сейфа у кассира накануне преступления, что подтвердило руководство фирмы, и объяснительная записка свидетельствовала об этом. На следующий день планировалось сменить замки, так как обращение поступило ближе к вечеру, а слесарь был отпущен домой в обед. Проверка алиби заняла какое-то время. Больше всего мне была подозрительна личность бухгалтера и водителя. Много вре-

мени они проводили в поездках, у обоих не было серьезно-го алиби. Только их слова, что в момент кражи, а именно: поздно вечером и всю ночь, – они были вместе. Любовная связь между этими работниками фирмы была налицо. Алиби остальных подтвердилось за исключением охранника.

Размышляя над ходом расследования, я обратил внимание на одну деталь. Маргарита, так звали бухгалтера, в последнее время часто ссорилась с кассиром Ириной. Как рассказала одна сотрудница, поводом для ссор был водитель Игорь, который некоторое время назад ушел от Ирины, и Маргарита чувствовала конкуренцию со стороны бывшей пассии своего возлюбленного. Да и сам он был в растерянности от такого треугольника, не имея решимости сделать окончательный выбор. Я был уверен, что стоило только провести обыск на территории дома у Ирины, как мы обнаружили бы там потерянный ключ и украденные деньги. Так и случилось. После недолгих поисков на территории участка частного дома рядом с забором был найден слегка прикопанный пакет с украденными деньгами, ключ же был рядом. Это вовсе не доказывало вину кассира, напротив, мои подозрения в отношении бухгалтера только подтвердились. Желая убрать конкурентку, Маргарита пошла на отчаянный поступок, решив упрятать ту за решетку. После завершения рабочего дня, дождавшись ухода Ирины, бухгалтер открыла сейф ключом, украденным заранее из сумки кассира, достала деньги и была такова. На следующее утро спрятала все

улики на участке своей жертвы, этим и объяснялось небольшое опоздание.

Картина преступления мне была ясна. Еще раз, проверив свои умозаключения, я набросал их на бумаге и поместил в папке с этим делом.

Откинувшись на спинку кресла с удовлетворенным видом, я принялся дочитывать этот детективный рассказ, из которого был почерпнут сюжет для расследования, дабы удостовериться в правильности сделанных выводов. И прочитав до конца финальной сцены, когда от бухгалтера было получено признание, радостно потянулся и со словами: «Дело закрыто», -поместил папку в стопку раскрытых дел.

Не всегда мои расследования были лишь книжными сюжетами. Как-то проходя мимо скамейки, на которой общались пожилые соседки, услышал, что одна сетовала на пропажу столовых приборов:

– Вот те крест, Петровна, точно домовый завелся, – жаловалась баба Нюра.

– Ну, на что ему твои ложки с вилками? – недоумевала собеседница.

– Я почему знаю? Так ведь были, и нет теперь. Куды ж они подевались?

– Это полтергейст, бабоньки! Я фильм смотрела, – вступилась третья соседка. – У моей снохи как-то стакан на столе пустой стоял и как бабахнет ни с того ни с сего. На крошечки все разнесло! Ладно они с семьей в зале были. Вся комната

в мелких осколках была.

– Ну вот, я же говорю, нечистый завелся, – не унималась баба Ньюра.

– Да с чего хоть? Сама, поди, положила куда-то и не помнишь, – рассуждала скептически вторая.

Позже, увидев бабу Ньюру во дворе, предложил ей помощь в поисках ее пропажи. И договорившись о встрече у нее дома через полчаса, новоявленный детектив поспешил к себе взять все необходимое из того, что есть в арсенале сыщика.

Мой чемоданчик был всегда наготове для таких случаев.

Беглый осмотр места происшествия не дал значимых результатов, но тут пришел черед самих ящиков, где хранилась столовая утварь. Используя лупу, я мастерски проверил каждый прибор, каждую вилку, ложку, нож на наличие отпечатков. Затем сами ящики. После исследовал пол на кухне, зеркало в прихожей, экран телевизора и еще кое-какую мелочь. Бабушка смотрела на меня поверх очков, пытаюсь увидеть смысл в моих манипуляциях. Периферическим зрением было заметно ее недоумение и нескрываемая пытливость.

– Ну, что там? – любопытствовала бабуля.

– Немного терпения.

– Не смогаю ждать больше! Скажи хоть, есть что-нибудь?

– Пока не закончил, но кое-что есть, – обнадежил я ее.

– Ох, слава тебе Господи! – запричитала хозяйка.

В итоге я расположился в кресле, стоящем в зале, прикрыл глаза, и три минуты, сидя в полной тишине, испытывал

терпение бабули. Когда же она произнесла шепотом: «Ну, что?», – я выдохнул и заявил:

– Всё, дело раскрыто!

Старушка недоверчиво взглянула на меня, спросив:

– А где же ложки и вилки-то?

Проследовав на кухню, ее гость отодвинул дощечку, закрывавшую пространство между кухонной мойкой и полом и, о чудо! Легким движением руки пропавшие приборы с характерным металлическим звуком предстали перед хозяйкой.

Что касается «домового», которому, как мне было известно, на тот момент исполнилось 8 лет, и звали его Максим, по совместительству внук бабы Нюры, то я со всей ответственностью заверил хозяйку, что нечистый дух больше не будет проказничать. На вопрос, откуда мне это известно, прозвучал ответ, что знаю, как изводить подобную нечисть из домов честных граждан. В общем, после этой истории расположение старушки, а также всех соседок, было обеспечено. К сожалению, мой расчет заполучить кроме вкусных ватрушек и блинчиков со сметаной, какое бы то ни было серьезное дело с помощью сарафанного радио, не оправдался. Ну и ладно, попытка не пытка.

И на десерт – ответ на вопрос, как же мне удалось так мастерски раскрыть это дело? Элементарно! Я бы, конечно, мог во всех подробностях описывать каждую свою мысль и цепочку логических умозаключений, рождавшихся при обна-

ружении тех или иных следов в квартире старушки. Что отпечатки детских пальчиков на ящиках, зеркале в прихожей на экране телевизора, холодильнике и много еще где, сразу дали мне версию о внуке. Что, видимо, родители оставляли его у бабушки, а он тем временем решил поиграть в полтергейста и ввести старушку в полную растерянность. А обнаружение места, куда «домовой» прятал утварь, и вовсе было венцом дедукции, что превратило меня в глазах бабули в нечто полубожественное.

Но на самом деле все гораздо проще и прозаичнее. Мы общались с Максимкой порой, играя во дворе, и он как-то открыл секрет домового в квартире своей бабушки. Мол, так решил пошутить над бабулей. У меня созрел план, как эту ситуацию повернуть в благоприятное русло, чтобы и овцы целы и волки сыты. В общем, я пообещал парню, что сделаю его своим помощником, если он расскажет мне все в подробностях. После чего я раскрою дело, и на волне этой славы к нам точно придет нечто стоящее, ведь сарафанное радио должно сработать. Разумеется, имя Максима должно было остаться в тайне. По большому счету все так и вышло, план сработал, вот только вероятность подвела.

Так расширился арсенал способностей сыщика. Теперь получалось планировать целый сценарий развития событий и радоваться, что все складывается по плану. Максим иногда слушал мои рассказы о разных расследованиях, ведь теперь я должен был мотивировать его не прятать ложки с вилками.

И в целом все были довольны. Подобное жизненное равновесие сохранялось какое-то время, пока новое дело не застало меня, кто бы мог подумать, – в коридоре школы.

Учился я тогда в седьмом классе. Оставшись на дежурство после уроков, пошел сполоснуть тряпку, чтобы помыть доску, как вдруг увидел ЕЁ. Ангела во плоти. Она не шла, она плыла над полом. Милое создание, воздушное, примерно моего возраста, светловолосая голубоглазая фея. Может быть, моя физиономия настолько выдавала равнодушие, а взгляд как-то подозрительно долго всматривался в ее голубое зеркало души, что она тоже начала с интересом глядеть на меня. Наши орбиты пересеклись, гляделки продолжались дольше обычного, еще чуть-чуть и.... Не знаю, что могло бы быть, скорее всего – ничего, но она отвела глаза первой. Прошла...

Я подумал: «Сейчас оглянется», – и повернулся проверить свое предположение. Да, она еще раз коснулась меня своим взглядом и подарила незабываемую улыбку. Ирен Адлер, вспомнилась единственная любовь Шерлока Холмса. Это сравнение как-то само собой нарисовалось в сознании. Удивительно, но при всей моей рациональности я, оказывается, был довольно сентиментален – и это мой единственный существенный недостаток.

Но быстро совладав с собой, усилием воли я направил мысли в правильное русло. Новое дело. Отлично! «Итак, необходимо установить личность. Имя, возраст, класс. Ме-

сто жительства, интересы, подробности личной жизни и, пожалуй, этого достаточно, чтобы подумать о том, что предпринять далее». Уже через несколько минут я знал номер класса, где прошел их урок, на доске расписания выяснил ее класс и литературу. Она оказалась на год младше меня. Оставалось дело за малым: найти кого-то, кто бы мог мне рассказать о ней. Но я никого не знал из ее класса. Сначала это казалось проблемой. Вечер прошел в глубоких раздумьях. Логические цепочки возникали одна за другой, ненужные отбрасывались, пригодные для дела сохранялись в закромах памяти и в специальной папочке.

«Как выйти на того, кто смог бы дать о ней справку? Нужен ее одноклассник. Или может быть, сосед по дому, по двору. Кто-то, кто имел с ней контакт или тот, кто мог бы на такой контакт вывести». Мысль о посреднике пришлась по вкусу. Если нет прямого контакта, его можно установить через кого-то. Даже если понадобится цепочка из нескольких людей – это не страшно. Важен итог. «В моем классе учится Антон», продолжал я строить ход мыслей, обещавший результат. «Его братишка учится в ее параллели. Возможно, он знает кого-то из ее класса. Прекрасно! Завтра, думаю, удастся разобраться с этим делом».

Учеба была далеким фоном в мыслях о таинственной незнакомке в то утро.

– Я могу помочь с нужным человеком, но при одном условии, – начал братишка Антона, Денис.

– Каком?

– Это будет стоить три сникерса, – размечтался парень.

Эх, что поделать, страна вступила в рыночные отношения, что не могло не сказаться на дружелюбности и между людьми. Теперь даже за информацию приходилось платить. Но я тоже не лаптем щи хлебал.

Быстро вычислив тот момент, что Антон был родным братом Дениса и имел несколько большую весовую категорию по сравнению с ним, являясь безусловным авторитетом в плане физических возможностей мотивации своего младшего братишки. Я недвусмысленно намекнул старшему:

– Завтра контрольная работа по математике, помнишь?

– Ага, – ответил тот.

– Можешь рассчитывать на мою помощь, если утомонишь своего ушлого спиногрыза.

Антон задал правильный вектор мотивации своему младшему родственнику, дабы тот не строил ложных иллюзий о вознаграждении. Таким образом, подход к нужному человеку был организован. Его звали Марсель, он был соседом по парте белокурой феи. Этот малый выложил мне все, включая ее успеваемость по отдельным предметам, кто ее родители и откуда они приехали.

– Зовут ее Лена, где-то пару недель назад они приехали из Саратова. Отец военный, мать училка. В общем, все банально. Бытовуха, как у всех, – философски продолжал малый. – А с чего такой интерес?

– Реферат пишу на тему построения отношений в новом коллективе.

– Ого, это, по какому предмету?

– Это по биологии. Не отвлекайся, продолжай.

– Ну, пока она общается в основном со мной. Так как сидим за одной партой. Во дворе вроде пока ни с кем не подружилась. Вся в учебе.

Она жила в соседнем со школой домом, и, по всей видимости, ее сердце было совершенно свободно. Полное досье. Уже на следующий день после нашей встречи в коридоре, я знал о ней все, что меня интересовало.

Так папка с названием «Дело о незнакомке» легла в стопку раскрытых. Я довольно потянулся на диване и начал играть на воображаемой скрипке.

Что касается чувств, которые вдруг вспыхнули искрой между нами, то это лишь фенилэтиламин. Гормон влюбленности, который покинул мой мозг, когда пропала загадка в ее деле. Но все же она была прекрасна, как сказал Шерлок Холмс об Ирен Адлер. Та самая девушка.

Было много разных дел, интересных и не очень, но, чтобы описать все, не хватит страниц этой книги. Поэтому подведем промежуточный итог.

Через какое-то время меня постигла первая в жизни депрессия. Мой гениальный ум (коим я его без лишней скромности считал от чистого сердца) не спас меня в делах прагматичных. После седьмого класса все желающие мог-

ли поступить в физико-математический лицей. Я был одним из 11 кандидатов нашего класса. Причем по успеваемости уступал только двум девочкам-отличницам. Как итог, чувство личного превосходства, знание дедукции, набросков психологии личности и все, что нажито непосильным трудом за время детективной практики, было размазано о гранит науки, который на тот момент мне не поддавался.

– Эй, толстый, – прошептал я незнакомому соседу по парте на вступительном экзамене по физике. – Есть шпора с формулами?

– Вон на стенде. Из нее можно вывести нужную формулу.

– О, точно, спасибо.

Но то ли сосед обиделся и подсказал не правильный путь, то ли я вывел не ту формулу, что обнаружилось по приходу домой. Открыв учебник, увидел, что напутал все и везде.

В общем, только один из 11 не поступил в этот лицей. Догадайтесь, кто это был?

Так случилась первая серьезная неудача в моей жизни. Я забросил идею сыска. Следующий год был полностью погружен в учебу и только в девятом классе я расправил крылья. Помог мне в этом спорт. Но это была уже другая жизнь.

А эта была прожита и сожжена в пламени прошлого.

Жизнь вторая

ЧЕМПИОН МИРА

«Порхай, как бабочка и жаль, как пчела»

Кассиус Клей

Часть первая

ВЫКЛЮЧАТЕЛЬ

Внезапно отрубил свет. Когда включили, я понял, что сижу на канвасе ринга.

– Три! Четыре! Пять! – четко отсчитал рефери, тыча мне пальцами под нос.

Надо вставать, пронеслось в голове, но сделать это оказалось сложнее, чем я думал. Поднялся. Слегка штормило и звенело в ушах. В зале стояла тишина, словно пара сотен людей, наблюдавших за боем, разом встали и вышли из помещения. Но посмотрев в зал, я понял, что ошибся. Народ что-то кричал, улюлюкал. Слух постепенно возвращался.

– Восемь!

Подняв руки к подбородку, дабы рефери увидел мою готовность продолжать бой, двинулся вперед.

– Бокс, – скомандовал судья в ринге.

Противник двинулся навстречу, в надежде нанести еще один разящий удар. Наивный парень. Я уже готов был встретить справа, но гонг спас его от неминуемой расправы.

– Ты что там, споткнулся? – то ли пошутил, то ли всерьез сказал тренер, когда я тяжело рухнул на табурет в своем углу.

– Я не видел его левый хук, – оправдался я.

– Начал, нормально, вот так и работай, больше левой. Двоечки, левой, правой. Понял? Давай соберись.

Гонг возвестил о начале второго раунда. Ну что ж, малыш, иди к папочке! С этой мыслью и жаждой мести я вновь занял центр ринга. Атаки противника были безуспешны, он просто ничего не мог противопоставить моей ловкости и умению уходить и блокировать его удары – так мне казалось. В зале поначалу слышались крики, потом все стихло. Я почти победил, как вдруг опять кто-то выключил свет. Видимо, вновь не заметил левый хук. В общем, после еще одного моего отдыха на настиле ринга, рефери решил остановить бой в виду явного преимущества моего оппонента. Подумаешь, пару раз зацепил. Какое уж тут преимущество?

Это был первый официальный бой. Республиканское открытое первенство среди юниоров. К этому моменту я занимался боксом ровно два месяца. Наверное, рано тренер решил бросить меня в эту рубку, опыта поединков было крайне мало. А опыта соревнований не было вообще. Хотя, к тому моменту я бил вполне успешно всех из своей группы на тренировках, но соревнования – это другой уровень и обстановка.

Когда перед выходом на ринг на меня одели боксерский шлем, впервые в жизни, который к тому же был мне явно мал, мое лицо исказилось под воздействием ремня, застегнутого на подбородке. Подойдите к зеркалу, обхватите щеки ладонями и сожмите, сморщив брови. Забавная физиономия, не правда ли? Противник должен был просто загнуться на ринге от увиденного – в приступе смеха или страха,

это уже на его усмотрение. Плюс к этому, представьте художника молодого человека ростом метр 75, весом 60 кг, одетого в мятую красную майку и короткие мятые белые шорты, больше похожие на семейные трусы. Поднявшись на ринг, я был несколько смущен огромной толпой, сидящей в зале, и ярким светом, бьющим из-под потолка. Спасибо противнику, который иногда выключал его мне. До сих пор не могу сдерживать смех от тех воспоминаний.

После недельной депрессии, связанной с этим обидным поражением и первыми нокаутами в своей жизни, я вернулся к тренировкам.

Как когда-то навыки сыскной деятельности поглотили меня с головой, так же теперь я жил и дышал боксом. Вся литература, которую только можно было найти, была прочитана. В библиотечных книгах внезапно начали пропадать страницы из журналов и изданий, связанных с боксом. При первой возможности я покупал видеокассеты с боями легендарных боксеров прошлого. Периодически примеряя на себя стиль Джо Луиса, Рокки Марчиано, Мохаммеда Али, Шугара Рэя Робинсона.

Теперь я знал кем хочу быть в скором будущем. У меня появилась цель в жизни. Во что бы то ни стало я стану чемпионом мира по боксу среди профессионалов!

Парк нашего района стал излюбленным местом для утренних пробежек. Невозможно представить, сколько километров я намотал по тропинкам и дорожкам родного парка.

А все свободное время после уроков было посвящено просмотру боев и личным тренировкам дома. Тренировок в зале мне катастрофически не хватало. Даже, сидя в классе и глядя на доску, где учитель что-то писал, мысленно я был в ринге. Отражал атаки противника, наносил удары, уходил от ответных атак, перемещался и снова атаковал. Однажды очнувшись от очередного мысленного боя, обнаружил, что мои соседи по парте хихикают, глядя на меня.

– Ты че дергаешься? – поинтересовался сосед по парте.

– Мысленно отрабатываю технику прыжка в высоту. Сегодня зачет на физкультуре, помнишь?

– Блин! Точно, – уныло ответил Илья. Прыжки в высоту не давались ему, что грозило неудовлетворительной оценкой. Теперь его мысли были уведены в сторону и сосредоточены на собственных неудачах. А я мог непроизвольно дергаться сколько угодно, его этот момент больше не интересовал.

Кстати, в этот день действительно удалось поставить рекорд среди своей параллели по прыжкам. А Илюха предсказуемо получил неуд.

Это был девятый класс. До сего момента я успешно учился, схватывая на лету предметы любой сложности. Но с этого года учеба была запущена. Теперь удавалось лишь списывать у соседей по парте, ничего не понимая в этих буквах, цифрах, графиках и формулах. Благо учителя, помня о былых заслугах, часто рисовали мне четверки.

Прошел почти год с момента первого поражения, а прогресса особо не чувствовалось. Тренер был молод и неопытен, это понятно. Но и я никак не мог найти свой стиль, увидеть в ком-то, как мне действовать. Опыта соревнований больше не было, а от спаррингов с одними и теми же людьми толку было мало. Приближалось первенство города среди юниоров.

К подготовке я подошел со всей ответственностью. Три —четыре тренировки в неделю. Пара совместных тренировок с другим клубом в месяц. Занимался у разных тренеров. В своем клубе я бил всех, кто был моего возраста и веса. Часто в глазах спарринг-партнера читался страх, когда он выходил боксировать против меня. Это и понятно. Многие видели, как я и мои товарищи готовились к соревнованиям, с какой самоотдачей и маниакальным желанием.

И вот долгожданный момент: первый бой на первенстве города. Против меня кандидат в мастера спорта Дмитрий Хуторов. По пути к рингу мой товарищ по клубу, который был гораздо опытнее меня и секундировавший в этом бою, увидев моего противника, произнес в адрес тренера:

– Он, что против Хутора выходит?

– Да, – ответил тренер и как-то странно улыбнулся.

Его мимика не ускользнула от меня, и я почуял неладное.

– Короче, бери полотенце, вешай на шею и так выходи в ринг, – улыбаясь, продолжал «поддерживать» меня мой секундант.

Другими словами, он призывал меня сдаться до боя. Теперь я начал нервничать еще сильнее.

– Ага, сейчас! Только возьму низкий старт – для ускорения, – огрызнулся я, показывая свою уверенность.

Внешний вид противника меня впечатлил. Он выглядел старше, мощнее и тяжелее меня. Хитросплетение его бровей, разреза глаз, носа и рта производили впечатление некой безудержной уверенности, насмешки и ненависти одновременно. Его взгляд словно гипнотизировал. Не поддавшись на устрашение перед боем, в момент, когда нас свел рефери в центре ринга для приветствия, я скорчил устрашающее лицо и изобразил свирепый взгляд, который часами тренировал перед зеркалом дома.

Гонг! Первый раунд. В этот раз я не был так прост. Опыт, полученный за прошедший год, давал о себе знать. Я был напряжен, но боксировал уверенно, держа противника на дальней дистанции и обстреливая его прямыми ударами слева и справа. Он пытался пройти ближе, но все время натыкался на мой левый джеб. В какой-то момент, оказавшись запертым у канатов, и помня об опасности получить удар в подбородок, я прижал его к груди и приоткрыл рот, выпучив глаза. Трюк с физиономией удался, противник начал смеяться, пытаясь это скрыть. Пары секунд его замешательства хватило, чтобы выбраться из угла и вновь занять центр ринга. Гонг! Перерыв.

В свой угол я вернулся героем. Товарищ, который был

уверен в скорой расправе надо мной, смотрел на меня, как баба Нюра, когда я извлек ее столовые приборы из-под умывальника. Словно он говорил всем своим видом: «О, сенсей, да ты и есть сам бокс». В углу меня осыпали похвалой и рекомендовали действовать в том же духе.

– Держи выше правую руку, все время у подбородка. Следи внимательно за его правой. Он опасно пару раз приложился. Один такой пропущенный удар, и все может закончиться, – переживал тренер.

– Да я видел. Ладушки, все сделаю красиво.

На второй раунд я вышел без доли волнения. Я понял, что бой у меня в кармане. Победа над известным и сильным противником уже была predetermined. Я действовал в том же стиле. Длинные прямые удары постоянно беспокоили оппонента. Мне с легкостью удавалось избегать его атак и смещаться, избегая сближения с канатами. В какой-то момент на удар справа, он исчез из поля моего зрения, просто испарился, сделав шаг в сторону. А дальше неожиданно сначала врубили прожектор прямо мне в глаза. Яркая, как солнце, вспышка ослепила меня. И так же внезапно выключили весь свет в зале.

Очнулся я от резкого запаха нашатыря. Попытался встать, но рефери пресек эту попытку. Повернув голову в зал, я увидел ликование толпы, которая радовалась яркой победе своего любимца. Еще секунда – и удалось услышать крики зала, скандировавшего фамилию победителя. Сам же ви-

новник торжества радовался недалеко от меня, подняв руки вверх, и прыгая от волны эмоций, захлестнувших его. Видимо, сам не ожидал такой быстрой и удачной развязки.

Позже тренер подкалывал, что я сдержал обещание сделать все красиво:

– Нет, в целом молодец, обещание сдержал, упал ты, конечно, на загляденье красиво. Даже глаза закатил, – улыбаясь, ехидничал он.

Так случилось второе досрочное поражение подряд.

– Ну, как успехи? – поинтересовались дома.

– Да проиграл, опять. Досрочно.

– Может пора завязывать с этим дебильным спортом? – жалела меня мама.

– Нет! Это случайность. Скоро я всех буду рвать на части.

– Пусть занимается, если хочет, – поддерживал отец.

Дальше вновь была неделя депрессии, после которой я вернулся в зал и возобновил тренировки. Цель – стать чемпионом мира – по-прежнему сияла на горизонте!

Часть вторая

ВОЗРОЖДЕНИЕ

Сезон подходил к концу. Я продолжал искать свой стиль – и не находил. Моя проблема заключалась именно в этом, а также в отсутствии соревновательного опыта. В итоге я решил сделать перерыв в тренировках. Этому способствовала и травма запястий, руки сильно болели после сборов, к тому же я повредил бедро на тренировках по кик-боксингу, которые начал проводить по рекомендации тренера.

Прошло еще полгода, спортивный лагерь, еще пара поражений, о которых я не упомяну, поскольку они были незначительные и менее яркие, чем предыдущие. И вот по завершению средней школы я полностью вернулся в спортзал, отдавая своей мечте целиком и полностью!

Наступал новый сезон и первый чемпионат района.

На этот раз я уже был матерым бойцом, повидавшим в ринге и за его пределами много различных схваток. Я прекрасно разбирался в тактико-техническом плане. Был отлично подготовлен физически, а мои соперники по клубу явно избегали встречи со мной на ринге. Тогда я подумал: «Вот если бы сейчас, имея весь этот опыт за плечами, отправить меня на мои первые соревнования!». Я бы не оставил от противника камня на камне. Но время было уже не вернуть. Нужно было с этим смириться и двигаться дальше.

Так как противников в моем весе по району было не так уж и много, я сразу попал в полуфинал. Отлично разогревшись перед схваткой, вышел на ринг, готовый порвать и разметать любого оппонента. Я находился в своем углу, противник не появлялся. Моим оппонентом по бою был друг детства, с которым как-то встречались на тренировке, и он ничего не мог противопоставить моему мастерству. Время шло, в ринге – только я и рефери. Главный судья начал отсчет времени, по истечении которого противнику засчитывалось бы поражение, в случае его неявки. Время вышло. Оппонент, видимо, испугавшись, не вышел в ринг. И вот она – победа! Сразу всплыла фраза из далекого детства: «Лучшая победа — победа без боя».

К моему удивлению, финальный бой протекал по такому же сценарию. Я был объявлен победителем ввиду неявки соперника. Не скрою, такой стиль побед был мне по вкусу.

На тот момент я параллельно боксу проводил тренировки по кик-боксингу, где по уверению тренера меня ждал гораздо больший успех. И вскоре я понял, почему он так думал. Для боксера не было секрета в том, что он всегда побьет хорошего кик-боксера, при условии примерно одинакового уровня подготовки. Весь фокус в том, что при тренировке в кик-боксинге приличная часть времени уделялась технике ударов ногами в ущерб технике бокса. Тогда как в боксе все время уделялось только технике ударов руками. А в бою главную роль играли именно руки. Ноги были второстепен-

ны.

Итак, первенство республики по кик-боксингу. Дойдя до финала, я смотрел полуфинальный бой своего противника. Он мастерски выиграл, нокаутировав оппонента ударом ноги с разворота. Я, конечно, владел техникой ударов ногами, тем не менее, меня впечатлила его победа. Понимание, что мое преимущество в руках, внушил мне тренер. И я остался верен его убеждению.

Финал. Первый раунд. Я просто забыл про ноги, действовал, словно на чемпионате по боксу, только руками. Противник был в замешательстве. Мои молниеносные серии – левой боковой и правый прямой в голову – наносили ему невероятный ущерб. Рефери остановил бой и сделал мне замечание за отсутствие ударов ногами. Показав всем видом, что понял, я вновь продолжил осыпать оппонента градом ударов руками. Противник был обескуражен. Гонг! Конец первого раунда.

В углу мне было сказано продолжать в том же темпе и том же стиле, не забывая давать пару махов ногой для рефери.

– Вот так хорошо. Не заигрывайся. Руки держи повыше, а то опять будет красиво, как с Хутором, – рекомендовал тренер, обдувая меня полотенцем. – Про ноги не забывай. Проваливай его и перехватывай атаку. Молодец! Так держать!

Вняв наставлениям секунданта, я закончил бой досрочно. Противник жаловался на резкую боль в висках, куда пришёл-

ся град моих ударов. Сотрясение мозга ему было обеспечено. Вот первая крупная победа. Я – чемпион города по кик-боксингу.

Тренировки продолжались. Теперь я уделял больше времени технике ног. В свое время я мастерски мог наносить удары ногами, будучи мотивированным фильмами с участием Брюса Ли. Как-то я спорил с отцом на мороженое, что смогу сделать сто ударов правой ногой без остановки, стоя на левой. И смог! К тому же у меня была отличная растяжка: мне удавалось достать головой своих колен, стоя на полу и держа колени прямыми, я спокойно садился на продольный шпагат. И каждое утро меня можно было увидеть в парке, где я совершал пробежку или бой с тенью.

Следующим соревновательным этапом было первенство Поволжья по кик-боксингу. Далее – только первенство России.

Попав в финал Поволжья, я был уверен в своей победе. Мой противник был похож на меня телосложением, но все же моя уверенность в своих силах была просто невероятной. Я даже сказал своему товарищу, что готов поспорить на победу, ибо таких ребяташек, как мой противник, я ем на завтрак каждое утро.

Гонг! Первый раунд. Я был на высоте. Словно Майк Тайсон в лучшие годы. Нырки, уклоны, атаки – все удавалось на славу. Оппонент был в растерянности. Его действия были безуспешны. У меня сложилось ощущение, что я просто

задавил его авторитетом. Он был словно беспомощный малыш, потерявший маму. Так продолжалось все раунды боя, и как итог – моя победа!

К сожалению, из-за закулисных игр мне не удалось попасть на первенство России. Очень жаль, я был в лучшей своей форме. Тем не менее мои победы дали мне уверенность в достижении любой цели. Не обошлось, конечно, и без неприятных сюрпризов, ибо травмы начинали беспокоить все больше.

Часть третья

УМЕНИЕ И ТРУД

Пожалуй, лучший свой бой по боксу я провел на открытии спортивного комплекса «Трудовые резервы», где моим соперником был мастер спорта Евгений М. Будучи мотивированным просмотром боев кубинского мастера ринга Марио Кинделана, я начал понимать стиль, который так долго искал. словно этот искусный кубинец, я раунд за раундом проводил на дальней дистанции, будучи выше противника, избегая канатов и атак оппонента за счет смещения вправо и влево сайд-стэпом. Так называется прием в боксе, когда на атаку противника боксер делает шаг в сторону с ударом навстречу либо без удара, проваливая оппонента, что открывает возможность для атаки. В случае, когда не получалось разорвать дистанцию, я просто сближался с противником и блокировал его руки, не давая развить атаку, что на языке бокса называется – клинч. Так раунд за раундом я набирал очки. И вот – победа!

Шел 2001 год. Школа осталась в прошлом. Неудача при поступлении в ВУЗ – тоже. Последние три года учебы были напрочь заброшены. И за аттестат без троек я был благодарен своим учителям, которые, помня мои прошлые заслуги в учебе, нарисовали мне четверки и пятерки по многим предметам, по которым должны были стоять в лучшем слу-

чае тройки. Если сказать честно, то только две оценки соответствовали действительности. Это пятерка по английскому языку, с ним я дружил с пятого класса, и он всегда легко мне давался. А также физкультура, тут без комментариев. Учитель по математике, моя бывшая классная руководительница, перед выпускными экзаменами, как-то откровенно сказала мне.

– Ты же понимаешь, что на четверку ты никак не тянешь.

Я многозначительно молчал, глядя в пол.

– Я нарисую тебе четыре, если ты не собираешься поступать в технический ВУЗ. Потому что тогда мне не придется за тебя краснеть.

А я и не собирался! Моя цель была – факультет иностранных языков. Так мы пришли к соглашению. Но либо коррупция в образовательной сфере, либо моя природная лень к учебе лишила меня возможности стать студентом ВУЗа. Мне, конечно, больше нравится версия о коррупции!

На горизонте широко улыбалась армия. Передо мной стоял выбор: либо продолжать учебу в техникуме, в который я прошел вне конкурса, дабы не попасть под призыв в конце предыдущего года, либо бросать учебу, ибо специальность по валянию валенок, на которой я учился, меня не привлекала, и служить Родине пару лет, а там видно будет. С переходом в профи пришлось повременить. Конечно, я хотел, как можно быстрее сделать этот шаг. У меня уже был план А, который предусматривал переезд в северную столицу, по-

тому что на тот момент она была Меккой профессионального бокса в стране. И план Б, когда я оставался бы в своем городе, благо в последние годы и здесь были люди, развивавшие спорт. Отложить переход пришлось ввиду травм, которые появлялись в зависимости от интенсивности тренировок. Появлялись головные боли, боли в запястьях, левом плече и левом бедре. Периодически приходилось делать перерывы в тренировках, которые становились все чаще и продолжительнее.

Волею судьбы мои следующие бои на соревнованиях и тренировки по боксу проходили уже в рядах вооруженных сил Российской Федерации.

– Есть среди Вас боксеры? – спросил как-то командир взвода через месяц службы.

Несколько человек, включая меня, подняли руки.

– Через два дня соревнования, нужно выступить за учебный батальон.

Приказ был понят и исполнен! Через пару дней я уже стоял в ринге против противника, который был тоже из учебного батальона. Надо сказать, что несмотря на отсутствие тренировок около полугода, моя физическая форма была вполне на уровне – что позволило мне одержать победу уже в первом раунде. Да я просто осыпал противника градом точных мощных ударов, после небольшой разведки на первых секундах боя. После чего рефери остановил поединок ввиду явного преимущества.

Мое мастерство меня самого восхищало. Это был мой стиль, который я наконец-то нашел. Смесь стилей Флойда Мейвезера-младшего, Шугара Рэя Леонарда, Оскара Де Ла Хойи и Марио Кинделана.

Второй бой против солдата, отслужившего год, был также скоротечен и закончился в первом раунде. Пара точных выверенных ударов в челюсть заставили его погрузиться на полу, и судья остановил бой. Командир взвода встречал меня с ринга, как героя войны. Тут пришло понимание, что завоевание авторитета у командира начинается с ринга. Я отметил для себя это.

Оставался лишь финальный поединок против дембеля из разведывательной роты. Он оказался крепким орешком. Точнее его голова была словно из дерева. Как бы сильно и точно я ни попадал – казалось, что кулаки врезались в ствол дуба. Тогда, поняв, что досрочно не выиграть, и вспомнив бой с мастером спорта на гражданке, я стал тянуть время, клинчевать противника, так как победа по очкам была в кармане. Финальный гонг – и вот я новоиспеченный чемпион Отдельной Воздушно-Десантной бригады по боксу. Казалось, командир радовался больше меня, наверное, потому что я был единственным победителем из учебного батальона. Благодаря финальному поединку удалось завязать знакомство с дембелями из разведывательной роты, что пригодилось мне в будущем. А пока я почивал на лаврах победы, которая была омрачена травмой, полученной в этом бою.

Один из моих сильных ударов справа пришелся вскользь в деревянный лоб противника, и костяшка мизинца ушла вглубь тыльной стороны ладони. В пылу боя я ничего не почувствовал, а когда снял перчатку, тупая боль пронзила всю кисть. Сразу после награждения подошел майор, начальник физической подготовки бригады, и сообщил мне радостную новость.

– Мне понравилось, как ты боксируешь. Беру тебя в сборную бригады! Через месяц начинаем тренировки здесь, а в сентябре едем в Новороссийск на чемпионат России.

При рукопожатии обнаружилась травма, так как я инстинктивно отдернул руку от боли. Но пообещав, что к чемпионату все заживет, я принял приглашение в сборную. Даже если бы был серьезный перелом, нельзя было отказаться увидеть море впервые в жизни. Сам чемпионат меня мало интересовал – больше интересовали открывающиеся возможности. Заканчивался июнь.

Часть четвертая ВСЕМУ СВОЕ ВРЕМЯ ПОД СОЛНЦЕМ (КАК БЫ ЦИТАТА ОТ СОЛОМОНА ДАВИДОВИЧА УЖЕ БЫЛА, НО Я СИЛЬНО УВАЖАЮ ЭТОГО ПАРНЯ)

В июле армейские будни превратились в праздник. Тяготы и лишения военной службы обернулись ежедневными тренировками в бригаде с утра до обеда и в городе вечером. Когда мои сослуживцы возвращались с занятия по тактике, все потные и грязные после рытья окопов, я пробежал мимо в чистом спортивном костюме в составе сборной по боксу. Солдаты имели возможность мыться раз в неделю в душе, называемым баней, а члены сборной могли мыться по нескольку раз в день и посещать сауну. Походы в город были самым большим счастьем. Глотком свободы в ежедневном ощущении нахождения в закрытой зоне. А мне, ненавидящему любое ограничение свободы, это было бальзамом на душу.

Заслуженный тренер, который занимался с нами в городе семи ветров, дал много новых знаний и навыков. А работа в паре с разными мастеровитыми партнерами повышало мой класс как боксера. Там я познакомился и имел возможность

побоксировать с членом сборной России, чемпионом Европы, Алексеем Лезеным, которого раньше видел лишь по телевизору.

Я был в лучшей своей форме. Мизинец постепенно проходил. Я чувствовал, что на чемпионате России среди Воздушно-Десантных войск меня ждал успех.

Время отправки. В пути мы должны провести двое суток в поезде. Отличная возможность выспаться и наестся сухого пайка. Тут появились первые опасения за свой вес. Уже в конце сборов, чтобы уложиться в весовую категорию до 67 кг, приходилось сгонять лишний килограмм. Проблема заключалась в том, что на первых месяцах службы от стресса, недоедания, недосыпа и физических нагрузок происходит резкое похудение молодого организма. Если на гражданке я весил 69 кг, то после первого месяца службы – уже 64—65. Да, я был гибок и строен, как наследный принц английского престола, но радости мне это не прибавляло.

К тому же, как только организм начал привыкать к режиму, потерянные килограммов вернулись, прихватив с собой и пару-тройку новых. В моем случае привыкание к режиму было быстрее. Сказались комфортные условия тренировок и дополнительное питание, которое полагалось членам сборной. Таким образом, я начинал переживать за эти пару дней без движения в поезде.

Южный город-порт встретил нас влажным воздухом

и очень теплой погодой. Я был в восторге от вида величественных гор и бескрайнего моря. Все это видел впервые в жизни. Поразила растительность и возможность есть виноград, срывая с лозы прямо на улице. Месяц назад здесь прошел ливень, и случился оползень, о чем трубили все каналы телевидения, но несмотря на разрушенные дороги и только частично восстановленную инфраструктуру, город восхищал красотой своих пейзажей. Эйфория от увиденного была омрачена фактом моего веса. Весы показали 70 кг. Нужно было срочно избавляться от трех килограммов, причем уже к завтрашнему утру. Начальник физподготовки был расстроен не меньше меня этим фактом. Что делать? Один из служивших в разведроту, товарищ по сборной, предложил нехитрый выход:

– Вот возьми. Это мочегонные таблетки, примешь две сразу.

– Это не опасно для здоровья? – беспокоился я.

– Не опасно, будет легкая усталость, зато к утру сбросишь лишние килограммы.

Этими таблетками был фуросемид. Сильное мочегонное средство, позволяющее вывести значительное количество влаги из организма естественным путем. Выбора особо не было, да и времени тоже. Приняв пару таблеток, я принялся ждать эффекта. Эффект беспокоил всю ночь. К моему удивлению, жидкости в организме, которую из меня гнали таблетки, было крайне много.

Утреннее взвешивание на соревнованиях показало прекрасные результаты. 66 кг! Спасибо Амиру, так звали товарища, давшего дельный совет. Чувствовал я себя прекрасно. Однако уже во время разминки начал уставать. Что со мной? Странно. В первом бою соревнований меня ждал мастер спорта из Пскова. Я был готов морально и физически. Полный зал народа в Доме Культуры мореплавателей ожидал жарких боев. Теперь меня не беспокоила толпа. Соревновательного опыта было достаточно.

Первый раунд. Противник был ростом ниже меня, поэтому моя тактика и стиль Марио Кинделана делали свое дело. Сайд-стэп, удар, серия, уход. Я легко переигрывал его первые полраунда. Внезапно нахлынула волна невероятной усталости. Ноги отказывались слушаться. Пропала легкость в движении, руки летели не так резко и точно. Все же я выиграл раунд легко. Рухнув в углу на табурет, я посетовал:

– Что-то мне паршиво. Усталость очень сильная.

– Все нормально, ты выигрываешь, соберись, еще пара раундов.

Обезвоживание организма было критичным. Тем не менее, майор приказал продолжать.

Второй раунд ноги еле таскали меня по рингу, получалось все больше пропускать ударов и меньше наносить в ответ. Я был готов просто лечь на ринг и уснуть. Еле дотянув до спасительного гонга, чуть доплелся до угла.

– Все теперь точно нет смысла продолжать. Это предел

моих сил.

– Забудь об усталости, все отдать для победы. Давай, только вперед!

Я понял, что апеллировать к здравомыслию майора бесполезно. Поднявшись со стула лишь с помощью секундантов, я кое-как оперся спиной на канаты, поднял руки, закрывшись от ударов и просто встал. Рефери понимая, что мое самочувствие оставляет желать лучшего, остановил бой.

Фиаско! Фуросемид сыграл злую шутку. Зато я увидел море. Но это было слабое утешение, и уныние, нахлынувшее в тот момент, еще долго не отпускало меня.

Тренировки были заброшены. Сезон армейского бокса был закончен. Я вернулся в казарму к своим товарищам, рытью окопов, марш-броскам, прыжкам с парашютом, занятиям по тактике и стрельбам. К боксу я вернулся только через полгода, будучи курсантом военного училища. Истории поступления туда я коснусь подробнее позже – поверьте, в ней будет много занимательного. И там при серьезных нагрузках, всплыли все мои травмы, к которым начали добавляться новые. Теперь постоянно беспокоила переносица. Нос перестал держать удары, начиная кровоточить от слабых касаний. Усиливались головные боли. Приходило осознание, что эра бокса в моей жизни подходит к концу.

Позже, будучи на гражданке, было несколько попыток вернуться в большой спорт. Но все безрезультатно. Томография головного мозга показала наличие кисты.

– Насколько это опасно? – поинтересовался я у врача.

– В общем-то опасности нет, но надо понаблюдать. Через какое-то время повторить осмотр.

– А из-за чего это бывает?

– Подобные вещи бывают чаще врождёнными, а не следствием занятия боксом.

Тем не менее пришло понимание, что совокупность травм моего организма не позволит осуществить мечту, зародившуюся в 9 классе.

Так очередная жизнь, а именно – вторая, – жизнь чемпиона мира, была прожита и сожжена в пламени прошлого! На этом пафосе пора перейти к следующей, более занимательной части, хотя куда уже более.

Жизнь третья

РЕЙНДЖЕР

Если не попал служить в ВДВ – радуйся,

А если попал, то гордись!

Армейская мудрость

Часть первая

СТАРШИЙ РАЗВЕДЧИК

– Здравсьте, рейнджеры! – выпалил громко и четко командир разведывательной роты. Он пользовался безоговорочным авторитетом и всегда целыми носками. Его любили, как отца. Герой боевых действий на Кавказе, имевший ранение и не раз выходивший со своей группой из тыла противника без потерь.

– Здравия желаю, товарищ гвардии капитан! – в один голос бодро ответили 48 лучших солдат отдельной воздушно-десантной бригады. Почему лучших? Потому что из тысячи человек личного состава бригады в разведывательную роту попадали только самые достойные. Служба в этом подразделении была безумно сложна, но вроде как почетна.

Среди этой элиты неким чудом был и я.

Наверное, звезды расположились таким образом, что так случилось. Изначально мое присутствие здесь ничего не предвещало. В учебном батальоне, где мое место было во взводе связи, а это предполагало, в худшем случае, дальнейшую службу в роте связи, я даже подумать не мог о разведроте. В лучшем случае мне было приготовлено место сержанта в том же учебном батальоне. Именно это обещал мне командир, разумеется, после победы на чемпионате бригады по боксу. Но сам того, не ведая этой победой я подписал себе

путевку в разведывательную роту. Ибо один из командиров взвода разведки следил за моими успехами. И после поездки в Новороссийск, где он сопровождал нашу делегацию, за его подписью легла бумага на стол начальника разведки с фамилиями кандидатов в разведывательную роту.

– У меня к тебе предложение, – сказал тот лейтенант-разведчик, когда мы вышли в тамбур поезда, направляясь на неудачные для меня соревнования на юге страны.

– Какое? – почуял я подвох.

– После учебного батальона переходи к нам, в разведку.

– Но я во взводе связи, – пытался отмазываться рядовой, понимая весь почет и всю сложность службы в роте разведчиков. Короче, просто ответственности не хотелось.

– Это не проблема. Нам тоже связисты нужны, – не догоял мой порыв лейтенант.

– Пока не могу сказать определенно, возможно меня оставят в учебном батальоне обучать новый призыв, – продолжал намекать я.

– Подумай. Осенью переводишься к нам, в ноябре едем в командировку на Кавказ. Через полгода обратно. ПОВОЮЕМ! – не унимался он, совсем лишив меня желания двигаться к ним в роту с перспективой оказаться на войне.

– Хорошо, я подумаю, – не решившись сказать твердое, как кремень, «нет», подвел я итог.

К несчастью (или наоборот), в списке разведроты стояла и моя фамилия. Когда оглашали распределение после окон-

чания учебного батальона, я потирал руки в предвкушении, что сейчас скажут, мол рядовой Садыков остается сержантом для обучения вновь призванных. И тут я не поверил своим ушам. Как разведывательная рота? Видимо тот лейтенант воспринял мою неуверенность как украшающую солдата скромность и внес в список кандидатов.

– За тебя слишком сильно уцепились в штабе разведки. «Наш начальник связи ничего не мог сделать», – сказал командир взвода учебного батальона в ответ на взгляд глубочайшего недоумения в его адрес.

Моя судьба была решена. Один лишь факт меня радовал. Я знал почти всех дембелей роты – благодаря боксу, – что не предвещало мне существенных проблем. В роте связи же я не знал никого. Итак, пять солдат из учебки вошли в расположение разведывательной роты. Подразделение, которое было покрыто аурой загадки, гордости и страха перед неизведанным. Стена, в которую упирался центральный проход, была увенчана картой боевой славы роты. От Афганистана до Чечни – имена героев, погибших в боях за свою Родину. Взвод разведки 91-го батальона, трагически погибшего в горах Ичкерии, поименно находился там же. По левую и правую сторону центрального прохода стояли кровати солдат. Если во всех подразделениях они были в два яруса, то у разведчиков только в один. Здесь же был спортуголок, штанги, гантели, боксерские мешки, перчатки. Минутка ликбеза: сама рота была меньше чем любое подразделение парашют-

но-десантного полка и относилась к так называемым спецам, т.е. специальным подразделениям.

Первый же день пребывания, а это была суббота, ибо ПХД (парково-хозяйственный день, попросту, генеральная уборка) застал новичков врасплох, но лично моего настроения не омрачил. Главный дембель роты, старшина Королев по прозвищу Король, мой знакомый с соревнований бригады, пригласил меня в отдельную комнату, где мы просто говорили о жизни и службе.

– Здесь, как и везде, главное – быть собой, – говорил старшина. – По большому счету, каждый сам за себя. Как поставишь свой авторитет изначально, так к тебе и будут относиться. Но у тебя с этих проблем быть не должно.

– А Валишин, скоро из отпуска вернется? – поинтересовался я о товарище по сборной, прослужившем полтора года. Как бы с перспективой на поддержку старослужащего товарища, после увольнения всех нынешних дембелей.

– На него не рассчитывай, – уловил мой намек Король. – Это в сборной вы были друзья. Теперь он дембель, а ты слон. Если твой косяк, то дембель не впишется за тебя, отвечать будешь сам. Если дашь слабину, опять расхлебывать самому. Так что забудь о нем, как о товарище и друге.

– Значит, после вашего ухода, нужно будет вновь завоевывать авторитет? – взгрустнулось вдруг мне.

– Конечно. Все как в джунглях. Кто уснул – того и съели. Кто первый встал – того и тапки. Это жизнь.

– Что будет, если дать дембелю в челюсть?

– Все зависит от ситуации. Если он не прав и пошел по беспределу, например, унижить хотел. Тогда ничего не будет. Тут без вопросов надо пресекать сразу и жестко. Другим будет урок. А если просто из-за твоей дурусти, то это уже твой косяк – тут могут и замесить. Никакой бокс не поможет.

Эти слова старшины я запомнил на всю жизнь. Благо применять не пришлось.

Комната досуга или ленинская комната, в которой мы мило беседовали, представляла собой собрание столов-парт и телевизора с видеоманитофоном на главной стене. На остальных стенах находились стенгазеты, отрывки из устава и прочее идеологическое убранство времен славного советского периода.

Прошло несколько дней, и Король уволился на гражданку. Его сменил старшина Захода, с которым мы так же сдружились и даже ходили в самоволку, что для солдата моего возраста, отслужившего полгода, было просто невероятно! Командиром моего взвода оказался тот самый лейтенант, сопровождавший нас в поезде на юг, за подписью которого легла бумага о моем переводе на стол начальника разведки бригады.

Через месяц не осталось ни одного дембеля в роте. Все уволились в запас. На их место пришли солдаты, отслужившие полтора года. И теперь они были полноправными хозяевами роты, что полагалось по сроку службы. Благо в под-

разделении царила правильная дедовщина, и не было никакого беспредела. Виновные наказывались после разовых устных объяснений, неуспевающие тренировались успевать, в основном, по ночам вместо сна. Отличившиеся поощрялись физическими упражнениями, дабы впредь были скромнее.

Наступили будни. Наряды по роте, занятия по тактике и стрельбе, марш-броски, прыжки с парашютом. Караулы. В караулы рота ходила часто, это было ее основным нарядом по бригаде. Зато в наряды по столовой мы не ходили. Это была участь обычных подразделений. Рейнджеры, как нас называл командир роты, были особенными, нас боялись и уважали. Мы первыми совершали прыжки с парашютом, остальные прыгали за нами, первыми заходили в банный день в душевую, первыми заходили в столовую. Только мы могли петь наши песни, и только мы могли носить берет под погоном. Если в этом был уличен кто-то из другого подразделения, то ему популярно объяснялось, что воин заблудился в своих убеждениях.

Однажды в поезде по пути в один из городов нашей страны, где я намеревался поступать в военное училище, в сопровождении заместителя командира роты и еще пары солдатиков из учебки, мною в вагоне был замечен дембель. Солдат, уволенный в запас из нашей бригады, ехал домой в дембельской форме, разукрашенной стропами от парашюта, нашивками и прочими атрибутами. Но в глаза бросилось, что

парень держал берет под погоном. Он не был представителем нашей роты, а значит, нарушил неписанный закон. С разрешения командира, который понимал важность всех этих правил, я подсел к служивому. Узнав кто он и откуда, я популярно разъяснил, что даже за пределами бригады, но в присутствии представителей разведки, коим я и мой командир являлись, так делать не стоит. Авторитет разведывательной роты был настолько велик, что дембель без лишних слов и движений послушался солдата младше себя на год службы. Но это было гораздо позже. Весной. А сейчас наступала зима.

Декабрь обозначил свое присутствие сильными морозами. Через месяц мы должны были ехать на полевой выход. В перерывах между занятиями по воздушно-десантной подготовке и укладке парашютов, за казармой нас тренировали собирать и разбирать большие армейские палатки, вместимостью на 50 человек. На следующей неделе планировались прыжки из АН-2 (по-человечески, «кукурузник»). Это был мой четвертый прыжок. До этого, еще в учебке, удалось совершить два прыжка из АН-2 и один из ИЛ-76. Десантная мудрость гласит, если прыгал из АН-2, то ты парашютист. А если прыгал из ИЛ-76, то десантник. Свой первый прыжок я помню до сих пор очень ярко, во всех подробностях.

Ранний подъем в 3 ночи. Тогда мне казалось непонятным, зачем поднимать учебный батальон в 3 ночи, если прыгать он будет в районе обеда. Позже я понял, что это и есть часть тя-

гот и лишений военной службы, о которых написано в уставе. Мы были в предвкушении своего первого прыжка.

Пролетело полтора месяца подготовки. Тренировки по укладке парашюта, отделения от самолета, висения на стапелях, как бы в небе, на стропах раскрытого парашюта. Солдат выпрыгивает из импровизированного АН-2, сооруженного из металла, группируется, как во время реального прыжка, сгибая ноги в коленях, держа их плотно вместе, и скрестив руки на груди. Левая рука на ремне запасного парашюта, правая на кольце основного. И пролетев полтора метра, при касании земли, громко считает: «501, 502, 503, кольцо». Импровизирует выдергивание кольца, «504, 505, купол».

Зачем вам это знать? Вдруг пригодится, никогда не знаешь, куда тебя забросит.

Главное – держать ноги плотно вместе, как при отделении от самолета, так и при приземлении. При выходе из АН-2 это нужно, чтобы стабилизационный парашют, полтора метра в диаметре, выходящий первым и вытаскивающий за собой основной купол, не запутался между ног солдата. А при приземлении колени и стопы должны быть вместе, дабы избежать травм.

Все эти мысли повторялись в голове, пока мы ехали на автобусе в сторону аэродрома. Опасения, что придется идти пешком из расположения части, не подтвердились. Больше всего волнения были связаны с тем, насколько правильно

уложен парашют. Укладкой своего парашюта каждый солдат занимается сам, в паре с товарищем, которому так же вдвоем укладывают его парашют. Конечно, все под присмотром офицерского состава, в несколько этапов и тщательных проверок. Так что все должно быть в порядке. Прибыв на аэродром и разгрузив парашюты из грузовиков, мы принялись одевать эти единственные средства спасения на себя. Чем ближе приближался момент посадки в самолет, тем учащеннее становилось сердцебиение, дыхание – и обильнее потоотделение.

Самолеты взлетали и садились, где-то вдалеке в небе виднелись раскрытые парашюты бойцов других подразделений. Погода была что надо. Чистое голубое небо. Безветренно и безоблачно. Мы сидели на земле рядами по 10 человек, опираясь на рюкзак парашюта. Постепенно наш ряд приближался в очереди к взлетной полосе. Волнение усиливалось. Я вспоминал моменты из фильма «В зоне особого внимания», который стал культовым в нашей стране и после просмотра, которого многие мечтали о службе в ВДВ. Я пытался напевать главную музыкальную тему из фильма. Помогало слабо. Думаю, моя физиономия не внушала энтузиазма окружающим. Судя по их испуганным лицам, сослуживцы, как и я, уже начинали немного сожалеть о выборе этого рода войск. Данный момент напомнил мне волнение перед первым боем на соревнованиях по боксу. Лишь бы здесь закончилось благополучнее. Надо успокоиться. Так еще раз,

«Лишь недавно учились, вы в классе десятом и часы проверяли по школьным звонкам, а теперь привыкайте, ребята, к десантным, продуваемым всеми ветрами войскам...», – напевал я себе под нос.

Привыкнешь тут!

Тем временем наш самолет сел на полосу и направился к нам.

– Борт! Встать! – Скомандовал командир взвода. Тот самый, что чуть позже будет радоваться моим победам на чемпионате бригады.

Мы друг за другом обошли самолет сзади, ветер от его винта, еще больше нагнетал обстановку. Теперь стало не просто страшно, а жутко, как при первом просмотре «Чужого».

Заняв места в самолете по весу, так как первыми выпрыгивали самые тяжелые, а последними выходили самые легкие, мы взмыли над землей. Я прыгал вторым. Теперь вроде волнение и страх отступили или просто привык к ним. Когда мы были на высоте 600 метров (именно такова высота выброски), командир прошел по самолету, осмотрел каждого. Стукнув меня по голове спросил:

– Все нормально?

Видимо, выражение моего лица вызывало у него недоверие.

– Все просто отлично! – соврал я, сотворив как бы уверенную гримасу.

Мимо прошел бортмеханик, оставив за собой смачный шлейф перегара. Надеюсь, хотя бы пилот трезвый, подумал я вдруг. Теперь захотелось скорее покинуть эту адскую машину. Чем скорее, тем лучше. Механик открыл дверь, предварительно пристегнувшись к крюку, и выглянул наружу. «Боже, зачем он это сделал?» – вспомнил я Создателя.

Шум ветра и двигателя оглушил меня. Посмотрев в проем двери, я увидел мелкие дороги, поля, разбитые на квадраты, крошечные деревья и сильно пожалел об этом. Лучше бы не смотрел. Механик закрыл дверь. Отлегло. Пройдя обратно в кабину пилота, он вновь щедро одарил нас перегаром.

Командир скомандовал пристегнуть карабины, стабилизационной системы. Загорелась красная лампочка, благо звук сирены не работал. Тут нас встряхнуло благодаря воздушной яме. Теперь очень сильно захотелось выпрыгнуть. Взводный открыл дверь. Движением руки показал нашему борту встать. Мы встали. Первым прыгал рядовой Ярославцев, мы звали его Ярик. Уроженец Сибири, здоровенный детина, с мощным басом и интересной манерой разговора. Он стоял передо мной у открытой двери, лишь шаг разделял его и бездну. Стараясь не глазеть в дверной проем, я смотрел на командира. Тот коснулся плеча Ярика, и только что стоявший передо мной двухметровый здоровяк, сделав шаг, исчез где-то под самолетом. Моя физиономия исказилась в удивлении и ужасе, рот искривился, глаза широко раскрылись. На моих глазах человека просто сдуло ветром, и он испарил-

ся под брюхом огромной машины. Ощувив хлопок по левому плечу и четко расслышав команду: «Пошел!», – я, сделав нетвердых два шага, третьим последовал за своим товарищем куда-то в неизвестность под пузо АН-2. Далее – словно дежавю. Кто-то выключил свет или мне показалось?

Месяц упорных тренировок, часы, проведенные на воздушно-десантной подготовке, этот отсчет «501, 502, 503, кольцо», который порой снился, – все выпарилось из памяти. Кажется, что если бы меня посадили в самолет прямо из поезда, на котором мы прибыли в часть месяц назад и толкнули бы в дверь на высоте 600 метров, произошло бы то же самое. Все забыто. Память отсутствует, мысли и интеллект тоже. Запасной парашют был лишним балластом, я бы все равно не успел его открыть, если что-то произошло бы с основным. Видимо именно для таких случаев умные люди придумали прибор автоматического открытия парашюта. Он срабатывает, через те же три секунды, через которые солдат должен выдернуть кольцо. Конечно, я забыл не только об отсчете, но и о существовании кольца и о необходимости открыть парашют. Спасибо прибору, он не забыл.

Очнулся я в момент толчка, означавшего открытие основного купола. По-прежнему находясь в сгруппированном положении, поймал себя на мысли, что в беспомощности бормочу с детства заученную молитву. Вот и подсознание дало о себе знать. Посмотрел вверх, открытый парашют меня порадовал в этот момент, как ничто другое. Словно заново родил-

ся. Теперь память вернулась, и новоиспеченный парашютист начал выполнять все согласно инструкции. Осмотрел купол, стропы, – разрывы не обнаружены. Осмотрелся вокруг, опасности в виде другого парашютиста, летящего на меня, нет. Вот и отлично.

На каком-то расстоянии я увидел своих товарищей, которые так же успешно совершили отделение от самолета. Кто-то кричал от волны эмоций: «За ВДВ!!!». Мной с радостью был подхвачен этот клич. Лицо выражало полный восторг. Я висел посреди синего неба, кроме криков не было слышно ничего. Когда голоса стихли, казалось, можно оглохнуть от абсолютной тишины. Непередаваемое чувство восторга, что остался жив, и гордости за совершенный подвиг. Земля не приближалась, ветра не было, время остановилось. Внизу виднелись маленькие человечки, белые купола, лежавшие на траве, белый сигнальный дым, указывавший место сбора.

Через минуту стало заметно снижение, земля словно с ускорением становилась все ближе. Главное – держать ноги вместе, колени чуть согнуты, прижаты друг к другу. Еще немного – и земля. В этот момент я со всей силы потянул задние свободные концы системы, чтобы часть купола натянулась, максимально снизив скорость приземления. Удар о землю, падение. Приземление можно сравнить с прыжком без парашюта со второго этажа жилого дома. Но ни грамма боли, все скрадывал адреналин. Купол, наполненный воздухом, не собирался смириться с окончанием полета, тащил

куда-то вперед. Применяв усилие к стропам, оказавшимся внизу, я заставил парашют сдаться, покрыв своей белизной часть зеленого поля, которое радушно встретило своих героев. Потом были сборы и пеший марш в часть. Стертые с непривычки ноги, мозоли, кровоподтеки на пальцах ног и стопах – следствие неправильного наматывания портянок, – ничто не могло омрачить полученные в этот день впечатления. После пережитого первого прыжка, я был не согласен с десантной мудростью, гласящей, что первый прыжок – это не страшно, потому что не знаешь, что тебя ждет. Страшен же второй потому, что уже понимаешь что это такое. Я бы перефразировал. На самом деле страшно прыгать первые раз десять, а потом привыкаешь.

Таков был первый прыжок в июле. Теперь же трещал мороз, и стоял декабрь. Ваш покорный слуга, по присвоенной ему воинской должности – старший разведчик – жил в предвкушении четвертого прыжка, в этот раз с ИЛ-76. Уже был разовый опыт отделения от этого огромного самолета. И в этом есть своя прелесть и свои отличия в сравнении с АН-2. Оставались считанные дни.

Часть вторая

СКАЗ ПРО КАРАУЛ

Мы заступили в очередной караул. Пост номер четыре, состоявший из четырех складских ангаров, порученный мне под охрану и оборону, располагался в углу территории части. Моя задача состояла в том, чтобы совершать обход вдоль забора из колючей проволоки с целью пресечения любой попытки проникновения из вне.

Шла вторая смена моего караула. Глубокая морозная ночь. Чистое звездное небо. Тишина, царившая на территории части, прерывалась скрипом снега под моими мощными валенками. Становилось скучно и хотелось спать. В такие моменты самым опасным для часового могла стать любая остановка в движении, не говоря о том, чтобы присесть или облокотиться на что-нибудь. В этом случае – все, конец. Мозг замыкал и солдат погружался в дрему, что таило в себе опасность быть обнаруженным за этим постыдным занятием группой проверки или разводящим с караульными пришедшими на смену. Обычно в таких ситуациях никто не спешил будить спящего. Просто похищался его автомат или штык-нож, прятался в караульном помещении, а любитель спать на посту изводился приказом начальника караула найти или родить свой автомат, физическими упражнениями параллельно с зубрежкой устава, а также издевками

добрых сослуживцев, которые при случае напоминали о промашке. После же караула такому солдату торжественно вручался смешной и огромный деревянный муляж потерянного оружия, с которым боец ходил примерно неделю везде и всюду, от туалета до столовой и даже спал с ним, пока полное осознание своей вины, меры и глубины не проходило сквозь все его естество.

Я боролся со сном всеми доступными способами. Кусал язык и щеки, умывался снегом. Бегал, приседал, ходил так, что Усэйн Болт просто бы присвистнул от зависти. Любое движение с целью разогнать кровь! Оставался еще час. Через определенный промежуток времени происходил доклад по специальному средству связи с караульным помещением. Таким образом в караулке начальник знал, что солдат не спит и на посту без происшествий. Очередной круг подходил к концу, доклад только что состоялся, и можно было немного передохнуть. Физические упражнения в бронежилете и валенках несколько измотали. Выбрав позицию между ангарами в месте, которое не просматривалось со стороны ворот, я немного присел, уставившись на дорогу между складами. Время остановилось. Последний час тянулся, словно вечность. Посторонний звук заставил насторожиться. Собака или злоумышленник? Шаги слышались отчетливее. Точнее, хруст снега под чьими-то ногами. Присмотревшись к углу склада, я не поверил своим глазам. Из-за поворота показалась чья-то фигура в длинном тулупе. Я вски-

нул автомат и крикнул, согласно уставу караульной службы: «Стой, кто идет?!».

Тело продолжало двигаться спиной, и тут я рассмотрел, что в руках у него метла, которой неизвестный подметал дорожку. Кто это, дворник? Как он сюда попал? Ворота?!

– Стой! Стрелять буду! – передернул затвор. Дальше должен последовать выстрел в воздух, затем – на поражение.

Убивать безоружного вовсе не хотелось. Я направился к неизвестному. Теперь все пошло не по уставу.

– Эй, ты кто?

Ответа не последовало, неизвестный продолжал монотонно мести. Между нами оставалось уже около пяти метров. Выставив автомат перед собой, и подойдя вплотную, старший разведчик толкнул неизвестного в спину, готовый в любую секунду выстрелить. Тело остановилось и замерло. Мне стало не по себе, точнее не по себе мне стало уже давно, но тут я вовсе испугался. Попытавшись обойти незнакомца слева, коснулся его плеча и тут... Оно резко обернулось с диким рычанием и оскалом! У него не было лица, точнее, на меня смотрела огромная волчья голова с раскрытой пастью!

Я вскрикнул от ужаса и, проснувшись, грохнулся с трубы, на которую присел. Сколько я проспал? Пропустил сеанс связи? Выглянув за угол склада, я быстро понял, что предположение оправдалось. Возле ворот охраняемой мной территории стояло два человека. Проверяющие! Можно было

не гадать. Что делать? Главное без паники, если это дежурный по части, значит, выход на связь не пропустил и проспал недолго. Буду строить защиту исходя из того, что меня никто не видел. Не пойман – не вор. Дальше все было по инструкции. Грохнувшись в ближайший сугроб, принял положение для стрельбы лежа и громко проорал:

– Стой! Кто идет?

– Кто идиот?? Выходи уже, мы тебя тут минут десять поджидаем.

– Стой! Стрелять буду! – угрожал я, не услышав четкого ответа.

– Дежурный по части! Выходи.

Тут примчался начальник караула с дежурной группой. Узнав своих, смысла скрываться и ломать комедию не было.

– Ну что, старший лейтенант, вы уложились в норматив, – сказал дежурный начальнику караула, пока бойцы занимали позицию для обороны поста. – А вот ваш часовой как-то долго выползал из-за угла. Наверное, спал.

– Что произошло? – спросил меня заместитель командира роты.

– Виноват, товарищ гвардии старший лейтенант. Долго шел вдоль противоположенной стены, с обратной стороны ангара, отрабатывал элементы действий при нападении на пост через внешний забор части.

– Спал ведь? – не унимался дежурный

– Никак нет! – ответил я уверенно, лично поверив в это.

Далее мне была зачитана статья из устава, говорящая, что часовой должен двигаться по территории поста, со скоростью, обеспечивающей максимально эффективное охранение. Поручив выучить наизусть эту статью, дежурный удалился. Больше мой организм не пытался заснуть в эту ночь. После караула этот инцидент был забыт, а я радовался, что никто не похитил мой автомат, пока сознание рисовало дворника-оборотня.

На случай войны надо бы придумать технику дремания посущественнее, хотя там вряд ли будет особое желание поспать в неподходящем месте.

III

Наконец настал день прыжков с ИЛ-76. Ранний подъем и завтрак. Мы первые в автобусе на пути к аэродрому, первые в очереди перед огромной железной птицей. Если в кукурузнике помещалось порядка десяти солдат, то в этом десантном самолете – больше сотни. Много народу, уже не так страшно, да и опыт прыжка с ИЛ-76 имелся с учебки. Выходили в небо только из боковых дверей, в два потока. Справа и слева. Раньше, еще во времена моего отца прыгали и из дверей, и с рампы, огромного заднего люка в хвостовой части, в четыре потока. Но позже в целях безопасности рампу отменили.

Самолет набрал высоту. Загорелась желтая лампочка светофора, расположенного на двери, сигнализирующая: «Приготовиться». Оба борта встали, карабины уже пристегнуты,

солдаты на изготовку. Открылись двери самолета. Упершись головой в рюкзак парашюта впереди стоящего, ждем зеленый сигнал и ужасную по силе звука и мерзости сирену. Если из кукурузника выпрыгивают с интервалом в 3 секунды, то из ИЛ-76 практически без интервала, бегом друг за другом – скорость полета при выброске десанта больше.

Взвыла противная сирена, командир открыл ограничитель с криком: «Пошел!». Очередь из солдат начала таять. Мой товарищ помчался за выпрыгнувшим сослуживцем, я за ним. Вот дверь и – небо! Подхваченный потоком воздуха, пролетев под турбиной двигателя, я ощутил легкий воздушный удар. Теперь не было страха, все прекрасно осознавалось. Видно было как самолет уходит вдаль, оставляя за собой след из белых, как одуванчики, парашютов. Полностью отсчитав, и я выдернул кольцо, и тряхнулся при раскрытии купола. И вновь ощущение свободы и полета. Только теперь не приходилось расслабляться, так как вокруг кружили товарищи, и любой поток ветра мог направить кого-то из них в мои стропы. А этот момент был крайне неприятен и опасен.

Внизу белым покрывалом лежал снег, горел сигнальный костер, виднелась красная стрелка, лежавшая на поле и указывавшая направление ветра. По дороге неспешно двигались автомобили, неподалеку стояли садовые домики, лесополоса. «Только бы не угодить на дерево», – подумал я и потянул свободные концы, чтобы направить парашют в сторону центра площадки приземления.

Земля уже совсем близко. Колени, стопы вместе, натянуть задние свободные концы. Торможение и удар. Купол наполнился ветром, и меня понесло по снегу за парашютом. Не знаю, сколько я проехал на животе, набрав снег за шиворот бушлата, пока не успокоил купол, потянув за стропы.

«Уф, – вырвался выдох, – вроде цел. Ну их, эти прыжки!» Теперь и в дальнейшем не было чувства восторга и радости, лишь желание поскорее закончить очередной рискованный маневр. Запихнув купол и ранец в сумку, и выйдя к месту встречи роты, мы погрузили в грузовики парашюты, после чего пешим маршем вернулись в расположение части.

Какое-то время меня тревожила ностальгия по дому, родному парку, его тропинкам и дороге, ведущей вдоль красного кирпичного забора. Когда уходил в армию, не мог дождаться момента прощания со своим городом, расстраивался, что военкомат откладывает мой призыв. Теперь было все иначе. Каждую ночь я засыпал под воспоминания о дороге, ведущей вдоль парка, представляя, как я шагаю по ней, швыряя осенние листья.

Терпеть не могу ностальгические чувства!

Новый год пролетел. Его празднование по армейским меркам прошло на славу. Сок, компот, много печенья и поздний отбой. Собственно, больше ничего не запомнилось. Мои мысли были поглощены предстоящим полевым выходом. Момент в службе разведчика, когда рота уходила в лес на полтора месяца. Жить в палатках, проводя все время в за-

нятиях по тактике и стрельбам, боевых учениях против других подразделений. Но больше всего мы были наслышаны о ППЛ. Это походно-передвижной лагерь. Когда из палаточного расположения взвода уходили отдельно по группам и выживали в лесу в течение недели, выполняя боевые задачи, друг против друга, ежедневно совершая многокилометровые марши по пересеченной местности. С собой брали только то, что могли унести. Так происходило два раза в год. Зимой и летом. ППЛ в зимний период осложнялся сугробами снега и холодной погодой, что мешало перемещению по лесу и полям. Пока в движении, на марше, холод не ощущался, солдат потел, становилось жарко. Когда же останавливались на привал, тепло очень быстро выветривалось, и становилось холодно. Нам предстояло испытать все прелести жизни разведчика на практике.

И вот этот день настал. Грузовики, из которых мы выгрузили все необходимое для оборудования палаточного лагеря, скрылись за лесом. Десять солдат и заместитель командира роты остались наедине с морозом, сугробами по колено, лесом и поляной, на которой уже на следующий день должен был стоять лагерь. Остальная часть роты приедет только через сутки для помощи в последних деталях обустройства. Радовало, что, благодаря физической работе, замерзнуть нам не грозило. Мы приступили к очищению территории лагеря от снега, постановке палаток, печей и заготовке дров. Командир начал замерзать, о чем свидетельствовали круги, кото-

рые он наматывал, бегая по колее от колес грузовых машин.

Через пару дней лагерь был полностью готов. Прочие разведывательные взвода других подразделений также оборудовали свои палатки, среди которых были офицерские, столовая и для хранения оружия. Полевой выход начался по полной. Свободного времени у нас не было вообще. Утром подъем, зарядка, умывание, бритье, которое происходило на улице у импровизированных умывальников, сделанных из пластиковых бутылок, прибитых к тонкому стволу дерева, расположенному горизонтально. Это была самая мерзкая процедура в зимний период. Далее, пока дежурные наводили порядок в расположении палатки, проходил утренний осмотр. Важно, чтобы даже в полевых условиях на воротнике солдата был пришит чистый подворотничок, на головном уборе присутствовали намотки ниток с иглками, чтобы воин был гладко выбрит и в целом выглядел опрятно. Как будто в условиях нападения закажут его портрет. Потом – завтрак и развод по местам занятий, если необходимо, после получения оружия. На занятиях отрабатывались тактические приемы ведения разведки в поле и лесу, навыки перемещения в группе, минирование, метание боевых гранат, наблюдение за постом противника и снятие часового, организация засад и их поиск.

В один из таких учебных моментов мы шли по лесу в боевом порядке. Задача была – найти и уничтожить засаду противника, роль которой исполняла другая группа развед-

чиков. Я шел в замыкании группы. Приблизившись к району поиска, мы отправили холостые патроны в ствол автоматов, передернув затвор, и, поставив на предохранитель, двинулись дальше. Напряжение росло. Где-то впереди за деревьями и сугробами находился противник. Кто-то наступил на ветку, которая, сломавшись, издала громкий хруст. Группа остановилась. Командир показал явным жестом свое крайнее недовольство виновнику шума. Тишина. Я старался дышать через раз, чтобы в этой тиши, прерываемой порывами ветра услышать звук, который выдаст засаду врага.

Но слышали мы нечто иное. Виной этому стал ваш покорный слуга, и данный сюжет можно было бы занести в серию картинок с названием «Не ждали». Двигаясь дальше, осторожно ступая, обходя кусты и ветки, внезапно, в мертвой тишине леса и непосредственной близости к засаде противника произошел «Ба-Бах!». Выстрел из моего автомата, который я в спешке забыл поставить на предохранитель, а указательный палец на всякий случай находился на спусковом крючке.

Надо было видеть лица моих сослуживцев и командира, которые, испугавшись, видимо, атаки с тыла, оглянулись на меня и осознали, что это не был огонь из засады, а нелепая оплошность их замыкающего. Я готов был провалиться сквозь землю, упасть в припадке эпилепсии и трястись, обильно пуская пену или разыграть вид больного параличом и шизофренией одновременно, если бы это помогло оправ-

даться за столь безумный поступок. И уже было, зажмурившись, приготовился понести заслуженное наказание на месте. Как вдруг прежняя тишина прервала мой пессимистичный ход мыслей. Открыв глаза, я увидел перед собой командира, который дал четкий приказ остаться здесь, прикрывая тыл группы и ждать, пока они вернуться. Я выдохнул, когда они скрылись за деревьями. Может быть, это и было мое наказание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.